

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

*1916 год. Настроения, царящие в русской армии,
можно охарактеризовать одним словом — уныние.
Самое страшное: пассивность и нерешительность охватили прежде всего тех,
кто был поставлен командовать армией,
вести за собой миллионы людей. К счастью, не всех.*

*Говоря о событиях лета 1916 года, часто используют слово «впервые»:
впервые стратегическое наступление проводилось в условиях позиционной войны;
впервые фронт прорывался одновременными ударами на нескольких участках;
впервые было применено последовательное сосредоточение огня
для поддержки атаки. А главное: впервые, после более чем года отступлений,
нашелся военачальник, который не разучился
мыслить стратегически.*

*История, как известно, не знает сослагательного наклонения.
Но в случае с Брусиловским прорывом без «если бы» не обойтись.
Если бы Брусилов не остался в одиночестве, если бы его поддержали —
победа над Германией состоялась бы уже в 1916 году,
а значит, ход российской и мировой истории был бы иным.*

*Но Брусилов — это не только гениальный прорыв его имени. Летом 1917 он,
став Верховным главнокомандующим, снова мог спасти страну
от надвигающейся катастрофы. Но тогдашнему руководству России не нужны
были решительные люди.*

*В годы революций и смуты всем пришлось делать тяжелый выбор.
Брусилов в силу своих религиозных и моральных убеждений
не хотел становиться ни на одну из сторон в братоубийственной войне.
И в Красную армию он вступил уже тогда, когда война по сути перестала быть
гражданской и речь шла об отражении иностранной интервенции.
«Считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним,
чего бы это ни стоило», — это слова истинного русского офицера.
Что не спасало от душевных мук и вопросов,
на которые так и не нашлось ответа:
«Господь мой!.. Где Россия, где моя страна, прежняя армия?»...*

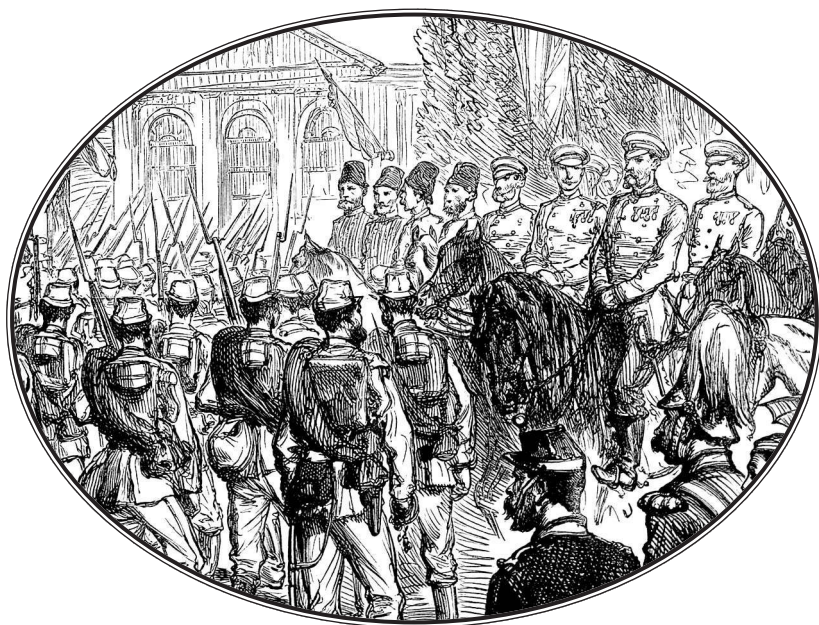

Алексей Алексеевич
БРУСИЛОВ

(1853—1926)

А. А. БРУСИЛОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.
БРУСИЛОВСКИЙ
ПРОРЫВ

ЭКСМО

Москва

УДК94(47)
ББК 63.3
Б 89

Вступительная статья и примечания — *А. Хорошевский*
Разработка серии — *И. Осипов*
Руководитель проекта — *И. Пименова*
Оформление обложки — *Е. Вдовиченко*

Брусилов А. А.

Б 89 Мои воспоминания. Брусиловский прорыв/ А. А. Брусилов. — М. : Эксмо, 2013.— 480 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие полководцы).

ISBN 978-5-699-58111-5

Среди военно-исторической и мемуарной литературы, посвященной Первой мировой войне и событиям в России в 1917—1922 гг., воспоминания Алексея Алексеевича Брусилова (1853—1926) занимают особое место. Брусилов — «автор» гениального с военно-стратегической точки зрения прорыва, названного его именем. Но он — не только полководец одной битвы. В этой книге генерал Брусилов рассказывает о событиях, предшествовавших Первой мировой войне, о том, как тяжело давались победы русской армии, о своем пребывании на посту Верховного главнокомандующего, о революциях 1917 года и о том, как нелегко ему было сделать выбор, когда над горячо любимым Отечеством нависла угроза иностранной интервенции...

Как и все издания серии «Великие полководцы» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни фотографий, иллюстраций из российских и зарубежных периодических изданий описываемого времени, с многими из которых современный читатель познакомится впервые.

УДК 94.47
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-58111-5

© Вступительная статья, примечания.
Издательство «Артнет Медиа», 2013
© Дизайн, художественное оформление.
Издательство «Око Медиа», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

В России всегда хватало «правильных» генералов. Они неплохо знали свое «генеральское дело», умели показать себя и даже — даже! — заботились об Отечестве. Правда, лишь во вторую и третью очередь, когда это было безопасно и красиво, когда не нужно было подставлять голову под пули и рисковать своей репутацией — нет, не перед народом, а перед власти предрежащими и их фаворитами. И потому-то на бумаге, на смотрах, парадах и учениях у них было все в порядке.

Казалось, была Русско-японская война, которая только благодаря дипломатическим усилиям не закончилась позором. Горький урок — да только впрок не пошел. А затем грянула Первая мировая.

Чего не отнять — того не отнять: патриотический подъем был великолепен, иногда даже слишком. В принципе хорошо, со скидками, конечно, на российские особенности, прошла и мобилизация. Выиграна была и первая крупная операция — Восточно-Прусская. Но дальше — традиционная беда «правильных» генералов: несогласованность действий командующих двух наступавших армий привела к тому, что плоды победы остались фактически нереализованными. Впрочем, в целом кампания 1914 г. завершилась в пользу России. Однако за 1914-м пришел 1915-й — трагический и, как казалось, безнадежный...

На «Западном фронте без перемен» — написал Ремарк. Все так. Наступление шло за наступлением, гибли сотни тысяч солдат — а результата практически не было никакого. За весь 1915 г. подвижки Западного фронта составили не более 10 км.

«Ничья» на Западе, уверенность в своих оборонительных позициях позволила Германии увереннее чувствовать себя на Востоке. Для русских же попытка добиться новых успехов, въехав «на плечах» старых побед, закончилась провалом. В феврале 1915 г. было предпринято очередное наступление на Восточную Пруссию — неподготовленное, несогласованное, необеспеченное артиллерийской подготовкой. Оно практически сразу же захлебнулось и закончилось контратакой немцев. А затем, в апреле, началось отступление русской армии. Оно было названо Великим, оно было

стратегическим — нужно было выиграть время, чтобы нарастить резервы и прежде всего ликвидировать тяжелейший «снарядный голод». Но это было отступление, в результате которого были потрясены и морально подавлены буквально все — солдаты и офицеры, народ и правящие круги. Какие-то робкие надежды моментально гасились жутью беспросветности. И хотя в итоге наступление немцев удалось остановить и фронт стабилизировался, потери — территориальные и людские — оказались огромными.

Восточный фронт оказался в позиционном тупике, и выйти из него «правильные» генералы уже не могли. Точнее, не умели. Боялись брать на себя ответственность. К счастью для России, у нее нашелся генерал, который думал и действовал «неправильно». Звали его Алексей Брусилов.

* * *

Прадед — военный, дед — военный, отец — военный, участвовавший еще в Бородинском сражении и дослужившийся до генерал-лейтенанта: было бы удивительно, если бы сын выбрал иной путь. Тем более что в Пажеском корпусе, куда он был определен в 14 лет, по воспоминаниям самого Алексея Алексеевича, «преподавались военные науки, к которым я имел большую склонность». Выпускники Пажеского корпуса, по традиции, могли сами выбирать себе род войск для дальнейшей службы. Алексей, как и большинство пажей, мечтал о гвардии, однако она была ему не по карману, и он в итоге выбрал кавалерию, 15-й драгунский Тверской полк, в то время расквартированный в Закавказье.

Боевым крещением для молодого офицера стала Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Он участвовал во взятии Карса, заслужил три боевых ордена. Затем была петербургская Офицерская кавалерийская школа, в которой Алексей Алексеевич прошел все ступени — от курсанта и адъютанта до (с 1902 г.) ее начальника. Брусилова уважали и ценили — и как наставника, и как спортсмена-кавалериста и организатора охот. В 1892 г. он уже полковник и причислен к лейб-гвардии, а в 1900-м становится генерал-майором.

Карьере Брусилова во многом способствовало знакомство с великим князем Николаем Николаевичем Младшим. На рубеже XIX и XX вв. тот занимал должность генерал-инспектора кавалерии, потому знал и ценил хороших кавалеристов, к которым, безусловно, относился и Брусилов. Благодаря протекции великого князя, в 1906 г. Алексей Алексеевич, до того не командовавший даже полком, стал начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Великий князь Николай Николаевич был хорошим генерал-инспектором кавалерии — но плохим Верховным главнокомандующим. Читатель, знакомый с событиями Первой мировой войны, наверняка заметит несоответствие оценок: у Брусилова Николай Николаевич предстает военным гением, «великим Верховным». Если бы великий князь оставался на посту главнокомандующего всеми вооруженными силами, то Россия, делает вывод Брусилов, выиграла бы войну и избежала бы всех революционных потрясений.

Совершенно в ином свете выглядит Николай Николаевич в воспоминаниях подавляющего большинства современников и историков. Оценка последствий его действий противоположна взглядам Брусилова.

Это тот случай, когда истина, как бы того ни хотелось, все-таки не находится посередине. Вряд ли стоит винить во всех бедах российской армии

Генерал А. А. Брусилов.
Фотография 1916 г.

в 1914—1915 гг. исключительно великого князя, но значительная часть вины, безусловно, лежит именно на нем. Ему были присущи все качества «правильных» генералов, которых так осуждал Алексей Алексеевич: переоценка своих способностей, шапкозакидательство накануне сражений и нерешительность, уныние, когда ситуация начинала развиваться не по плану, неумение мыслить стратегически и нежелание слушать тех, кто умеет это делать.

Но стоит ли осуждать Алексея Алексеевича за подобное «лукавство»? Благодарность покровителю, который так или иначе поддержал тебя — такое не позволено историку (хотя и встречается сплошь и рядом), но вполне логично для человека, пишущего личные воспоминания. Да и, в конце концов, если бы не Николай Николаевич, Брусилов не стал бы «тем самым Брусиловым».

В 1909 г. Алексей Алексеевич получил под свое начальство 14-й армейский корпус, расквартированный в Люблине. Это было уже крупное соединение, в состав которого входила не только кавалерия, но и пехота и артиллерия. Брусилов понимал, что прежних «кавалерийских» знаний ему недостаточно, и потому усердно начал восполнять их недостаток. Он был строгим командиром — но не мелочным. Любил аккуратность во всем, категорически не переносил пьянства: записные полковые гуляки немало «натерпелись» от командира корпуса, который безжалостно наказывал и даже разжаловал их за дебоши и кутежи в ресторанах и кафешантанах.

* * *

Какой-то сербский студент застрелил австрийского эрцгерцога и его супругу... Трагично — но разве это повод для Мировой войны? События 28 июня 1914 г. настолько однозначно воспринимаются как точка отсчета Первой мировой войны, что сейчас трудно себе представить — сто лет назад не только обыватели, но и те, кто определял ход политики и истории, не восприняли убийство наследника австрийского престола как начало трагедии. Об этом вспоминал и А. А. Брусилов: «Общее негодование было ответом на этот террористический акт, но никому и в голову не могло прийти, что это убийство послужит поводом для начала страшной всемирной войны, которой все ждали, но и опасались». И добавляет, описывая атмосферу фешенебельного немецкого курорта, где он тогда находился вместе с супругой, Н. В. Брусиловой-Желиховской (они поженились в 1910 г., после смерти первой жены Алексея Алексеевича, Анны Николаевны Гагемейстер): «Многочисленная курортная публика Киссингена оставалась совершенно спокойной и продолжала свое лечение».

А затем был австрийский ультиматум Сербии — абсолютно неприемлемый, и далее — судорожные и бесплодные дипломатические попытки остановить маховик конфликта, и, собственно, вот она — Мировая война...

Когда война была объявлена, Брусилов вступил в командование 8-й армией Юго-Западного фронта. Любой профессиональный военный, который при этом остается человеком, испытывает двойственное чувство: восхищение апофеозом военной деятельности, коим является Мировая война, желание в нем участвовать и (это особенное удовлетворение!) влиять на ход событий — и одновременно тяжелое и неизбежное понимание, что Мировая война — это бойня, в которой погибнут миллионы людей. Плюс ответственность — за вверенные тебе войска, за народ, за Отечество.

Брусилов как никто другой переживал, проводил через себя эти чувства: «Мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще,— писал он жене в конце 1914 г.— Но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело».

Сколько будет длиться война? Этот вопрос задавал себе каждый — и простые солдаты, и командующие армиями и фронтами. Брусилов иллюзий не испытывал: «Это исключительная, Мировая война, не ожидай ее скорого конца», — делился он впечатлениями с женой. И при этом подчеркивал: «Но ее нужно выиграть во что бы то ни стало... Это, несомненно, будет, но не так-то скоро... как ни тяжело, но мира не может быть, пока не разгромим немца».

* * *

Назначение на пост командующего Юго-Западным фронтом стало для Алексея Алексеевича неожиданностью. «Таким образом увенчивается моя военная карьера. (Как оказалось, он ошибался, но об этом позже.) На сердце у меня смутно, радости нет, но есть тяжесть страшной ответственности». Впрочем, предаваться тяжелым мыслям времени не оставалось — нужно было принимать дела, нужно было готовить новое наступление, чтобы отвоевать потерянное в трагическом 1915-м.

Однако же в Ставке, на основании мнения предшественника Брусилова — генерала Иванова, заявлявшего, что Юго-Западный фронт не способен вести сколько-нибудь активных наступательных действий, отводили Юзфронту исключительно оборонительную, пассивную роль.

Как бы в таком случае поступил «правильный» генерал? Принял бы это как должное, раз того хочет Ставка и с этим согласен Верховный главнокомандующий — «по совместительству» сам государь-император. Но Брусилов не был «правильным» генералом. Во время встречи с Николаем II он был решителен — настолько, что царя даже «передернуло». «Если же мнение, что Юго-Западный фронт не в состоянии наступать, — заявил Алексей Алексеевич, — превозможет и мое мнение не будет улажено, как главного ответственного лица в этом деле, то в таком случае мое пребывание на посту главнокомандующего не только бесполезно, но и вредно и в этом случае прошу меня сменить». Не изменил своей точки зрения вновь назначенный командующий Юго-Западным фронтом и в ходе военного совета, состоявшегося неделю спустя.

Этот совет стал квинтэссенцией противостояния Брусилова и «правильных» генералов. И командующий Северным фронтом генерал Куропаткин, и генерал Эверт, возглавлявший Западный фронт, заявили, что момент для атаки сейчас крайне неподходящий, что «прорыв фронта немцев совершенно невероятен, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу». В общем, нужно сидеть в обороне и ждать, пока удастся нарастить потенциал тяжелой артиллерии, хотя бы относительно сравнимый с возможностями противника. Когда же это произойдет — неизвестно; во всяком случае, не раньше осени этого, 1916-го года.

М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, фактически руководивший всеми военными действиями российской армии, был с этим мнением не согласен. Однако у этого, без сомнения, умного военачальника не хватало решительности, и потому Брусилов фактически остался в одиночестве. В результате ему было лишь разрешено выбрать момент и атаковать противника с тем, чтобы помочь Западному фронту нанести главный удар и не допускать посылки противником подкреплений с Юго-Западного фронта.

**Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта
генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов с сыном Алексеем
и офицерами штаба фронта.**

Фотография 1916 г.

— ❖ —

Сидит: А. А. Брусилов. Стоят (слева направо): подполковник Д. В. Хабаев (адъютант А. А. Брусилова), полковник Р. Н. Яхонтов (штаб-офицер для поручений при А. А. Брусилове), штабс-ротмистр А. А. Брусилов (сын А. А. Брусилова), капитан Е. Н. Байдак (адъютант А. А. Брусилова).

Впоследствии генералов Эверта и Куропаткина обвиняли не только в отсутствии смелости, но даже в неких преступных замыслах. Если первое верно, то второе — все же нет; это отмечал в своих воспоминаниях и А. А. Брусилов. Главная их ошибка заключалась в шаблонности. У сомнений Эверта и Куропаткина действительно были основания. Бытовавшие до тех пор каноны военной науки подразумевали прорыв фронта мощным ударом *в одном месте*. Естественно, что провести незаметно для противника сосредоточение сил для такого удара было невозможно. Следовательно, нужно учитывать то обстоятельство, что противник подтянет в место предполагаемого удара все имеющиеся у него резервы.

В данном случае — боевых действий против центральных держав — для России это обстоятельство усугублялось явным преимуществом противника в маневренности и пропускной способности путей сообщения: за то время,

пока русские подтягивали на фронт один корпус, немцы или австрийцы успевали перебросить три.

Все это означало, что на предполагаемом участке прорыва нужно собрать силы со значительным перевесом. В сложившихся условиях сделать это было нереально, к тому же катастрофически не хватало снарядов для тяжелой артиллерии, что исключало полноценную, с перевесом, артподготовку, которая, опять же, соответствовала «канонам».

Значит, атака действительно невозможна?

Брусилов думал иначе.

* * *

Мысль, казалось бы, простая: если не получается прорвать оборону в одном месте, значит, надо вести атаку *в нескольких местах*, не давая противнику возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Простая-то она простая — но ведь до этого нужно было додуматься, выйти за рамки шаблонов, не бояться проиграть. И первым это сделал Брусилов.

Но гениальность Брусилова как полководца заключается не только и не столько в самой идее, а в том, что он смог сопоставить ее с реальной обстановкой. Естественно, что такой способ атаки имеет и свою обратную сторону, свои недостатки, главный из которых «обратно пропорционален» главному преимуществу: распыление сил атакующего. Однако другого выхода не было.

Фактически Брусилов действовал на свой страх и риск. В успехе его предприятия сомневались не только высшие военачальники в Ставке, но и подчиненные. «В то время, когда я излагал мои соображения,— вспоминал Алексей Алексеевич,— мои сотрудники, видя, сколь я уклоняюсь от общепринятого шаблона атаки, очень смущались, а Каледин [командующий 8-й армией, входившей в состав Юго-Западного фронта] доложил, что он сомневается в успехе дела и думает, что едва ли его главный удар приведет к желательным результатам, тем более, что на Луцком направлении неприятель в особенности основательно укрепился».

Но Брусилов был уверен в успехе. Основой его плана была внезапность. В районы, предназначенные для атаки, скрытно подтягивались подразделения; они располагались перед боевой линией, их же начальники, имея подробнейшие карты и данные разведки, тщательно изучали участки прорыва. Лишь за несколько дней до атаки войска были введены в пределы боевой линии, свои позиции заняла и тщательно замаскированная артиллерия.

Пока шла подготовка к наступлению, австро-венгерские войска перешли в мощное наступление в Италии. Итальянская армия* оказалась в катастрофическом положении, король Виктор Эммануил III буквально умолял Николая II начать наступление на Востоке, чтобы заставить австрийцев оттянуть силы с Итальянского фронта. В этих условиях Брусилову было предписано начать наступление как можно скорее.

* Несмотря на то что правившая в Италии Савойская династия традиционно выступала за союз с Германией и Австрией, в Первой мировой войне Италия поддержала Антанту и в 1915 г. вступила в войну на ее стороне.

* * *

«На рассвете 22 мая* гром двух тысяч орудий от Припяти до Прута возвестил славу русского оружия», — некоторый пафос в словах Антона Керсновского, автора фундаментального труда «История Русской Армии» (отрывок из него, посвященный Брусиловскому прорыву, помещен в данном издании), вполне уместен и объясним.

План Брусилова удался. Удался настолько, насколько, пожалуй, он сам не ожидал. Оценивая итоги операции, Алексей Алексеевич сдержан и даже излишне скромнен: «По тем средствам, которые имелись у Юзфронта, он сделал все, что мог, и большего выполнить был не в состоянии — я, по крайней мере, не мог. Если бы вместо меня был военный гений вроде Юлия Цезаря или Наполеона, то, может быть, он сумел бы выполнить что-либо грандиозное, но таких претензий у меня не было и быть не могло».

Мы не будем здесь останавливаться на ходе Брусиловского прорыва и его военных итогах — они подробно описаны в воспоминаниях Алексея Алексеевича, а также в исследовании А. А. Керсновского. Не менее важна моральная сторона Брусиловского прорыва: блестящий успех после почти года поражений и отступлений. Россия снова вспомнила слово «патриотизм», забытое с начала войны. Газеты пестрели вдохновляющими заголовками и известиями о наступлении армий Юго-Западного фронта. Была опубликована приветственная телеграмма Николая II: «Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность».

В адрес Брусилова хлынул поток благодарственных писем от людей всех сословий. «Это было мне поддержкой и великим утешением, — писал Алексей Алексеевич. — Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией». Какие еще чувства мог испытывать полководец, одержавший великую победу, человек, любивший Родину не на словах, а всей душой, беспредельно верный и верящий Отечеству? Но с каждым днем радость постепенно вытеснялась горечью — его не поддержали. «За» Брусилова были все — народ, солдаты, офицеры. Кроме тех, кто должен был это сделать в первую очередь — «правильных» генералов.

Второстепенное, по задумке Ставки, наступление Юго-Западного фронта развивалось, а основное так и не началось. Командующий Западным фронтом генерал Эверт раз за разом просил отсрочку, начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексею по-прежнему не хватало решительности, а сам Верховный главнокомандующий мало интересовался делами фронта и был больше поглощен семейными дразгами.

И вот тут-то и появляется пресловутое сослагательное наклонение, не терпимое, но столь часто используемое историками. Если бы за Брусиловым пошли другие фронты, центральные державы были бы побеждены уже в 1916-м или принуждены к миру, выгодному России и странам Антанты. У генералов был шанс это сделать. Был он и у Николая II. Для него это означало не только победу возглавляемой им державы, но и спасение

* 4 июня 1916 г. по н. ст.

династии, своей жизни и жизни своих детей. Однако, к сожалению, даром предвидения последний русский царь не обладал и, как теперь известно, истинных провидцев не слушал...

* * *

«Не знаю, как другие главнокомандующие, но я уехал очень расстроенный, ясно видя, что государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и командира», — это впечатления Алексея Алексеевича декабря 1916 г., после очередного совета в Ставке. В том, что дом Романовых обречен, сомнений оставалось все меньше и меньше. Впрочем, война продолжалась...

Опыт Брусиловского прорыва был учтен при составлении планов Ставки и на кампанию 1917 г. Однако, когда в феврале грянула революция, в Ставке сделали крутой поворот: «Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо». Брусилов был категорически против. Его настрой на наступление совпадал с желанием Временного правительства продолжать войну. Потому неудивительно, что еще в марте 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко предложил главе правительства Г. Е. Львову кандидатуру Алексея Алексеевича в качестве нового Верховного главнокомандующего. 22 мая (4 июня) Брусилов сменил М. В. Алексеева и возглавил русскую армию.

В первом приказе в качестве Верховного главнокомандующего Брусилов пытался совместить революционную риторику с призывом продолжать войну: «Скоро три года, что мы ведем эту беспримерную войну, которую пора кончить, и свободная наша Россия имеет право требовать от своих революционных армий и фронта полного напряжения всех наших сил и средств, дабы разбить коварного и непреклонного врага... Я призываю вас, всех русских воинов, сплотиться вокруг красного стяга с девизом: “Свобода, равенство и братство” и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм, давящий своей безумной тяжестью народы всего мира... Итак, будьте готовы жертвовать собой, чтобы закрепить во что бы то ни стало наше достояние, а там, где это окажется нужным, по первому приказу, броситься на врага и разбить его».

Это была химера, несоединимые и несовместимые вещи. Брусилов продолжал отчаянно бороться за армию, шел на любые меры (по его инициативе, например, была восстановлена смертная казнь на фронте, отмененная после Февральской революции). Однако в глубине души он понимал, что процесс разложения армии уже зашел слишком далеко и его не остановить. В условиях революционной и антивоенной пропаганды, открыто ведшейся в боевых частях, популистской политики Временного правительства и, как следствие, массового дезертирства солдат, летнее наступление 1917 г. было обречено на провал. Плюс ко всему союзники, поначалу пообещавшие поддержать Россию, затем изменили свои планы и даже не посчитали нужным вовремя уведомить об этом российское командование.

Итог был закономерен — наступление захлебнулось. Был ли в этом виноват Брусилов? Конечно, он не безгрешен, он совершал какие-то промахи. Но в любом случае его вина за неудавшееся наступление минимальна. Однако те, кто должен был понести ответственность за провал, предпочли переложить ее на Брусилова.

* * *

Год назад Брусилов был триумфатором, на которого молились по всей России, теперь же он — просто отставной военачальник, уединившийся вместе с семьей в особняке на Остоженке в Москве. Ему оставалось только наблюдать за событиями, видеть, как разваливается Россия и русская армия. Алексей Алексеевич не поддержал Корниловский мятеж в сентябре 1917-го: Корнилов, по его словам, был человеком «с львиным сердцем, но пустой головой», а с такими людьми Брусилову было не по пути.

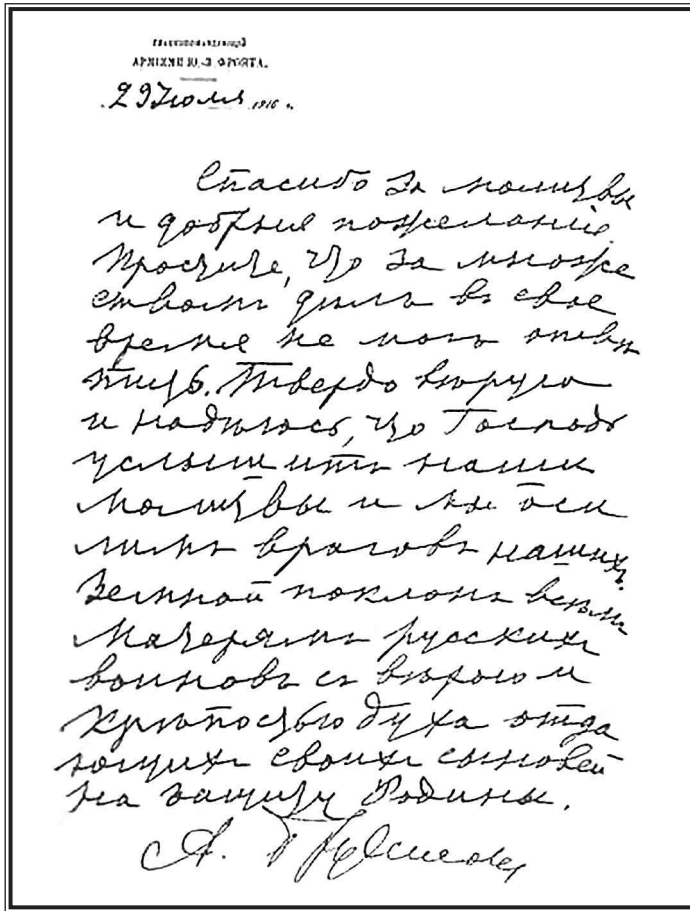
А затем была еще одна революция и случайно залетевший в дом снаряд, осколки которого серьезно ранили ногу Брусилова. В доме в тот момент было полтора десятка человек и четыре собаки — не зацепило никого. Кроме Алексея Алексеевича. И это, очевидно, был знак свыше. «Одного меня осколок гранаты изувечил,— размышлял Брусилов впоследствии,— будто именно меня нужно было выбить из строя. Я фаталист и много думал об этом впоследствии. Случайности я не допускаю в данном случае. Да и вообще, что такое случайность?! А ведь не будь я ранен, я вероятно уехал бы на Юг, к Алексею. И все приняло бы другой оборот в моей жизни. Хорошо ли, дурно ли вышло, но я в том неповинен».

Не дай Бог никому делать такой выбор... Родина, которой ты служил верой и правдой, раздираема на части гражданской войной, старый режим уже, очевидно, должен сойти с арены, а что принесет новый?.. И при этом на Родину наваливается внешний враг, решивший воспользоваться «удобным» случаем. Так что же делать?

Этот вопрос задавали себе тысячи русских офицеров, поставленных перед жесточайшим выбором. Стоял он и перед Алексеем Брусиловым. Проще всего, казалось бы, спрятаться, уехать в надежную за границу. Но ведь понятие «Родина» — не пустой звук. Когда же перед страной стоит угроза иностранной интервенции, нужно быть с теми, кто этой интервенции противостоит, — даже если твои принципы резко расходятся с их идеалами и идеями.

В этом не было двуличности, как может показаться, совсем нет. Брусилов — профессиональный военный, и его дело — защищать Родину от внешних врагов. Внутренними же делами должны заниматься политики. В России, к сожалению, все было не так — но Брусилов из-за этого не собирался изменять своим принципам. Эмиссары Белого движения несколько раз пытались склонить Алексея Алексеевича на свою сторону, но он наотрез отказался. Из-за популярности его имени в монархических кругах, из-за того, что его кандидатура как возможного вождя фигурировала в документах различных белогвардейских организаций, Брусилов был арестован ЧК. Но благодаря усилиям жены и отсутствию прямой связи с контрреволюцией (все же на первых порах большевики иногда обращали внимание на такой «нюанс», как доказательства) он был отпущен.

Алексей Алексеевич был уверен, что Ленин, Троцкий и К° быстро сойдут с арены: «Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один? Убежден, что многие помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы и называлась она “Красной”, думали так же как и я». И действительно, для него армия была прежде всего русской, а потом уже «красной», «белой» и других, самых разнообразных цветов.

Оригинал благодарственного письма А. А. Брусилова
после назначения его Верховным главнокомандующим.
1917 г.

* * *

Так что же, когда генерал царской армии А. А. Брусилов принял решение вступить в Красную армию (а случилось это в 1920 г.), он перестал быть «тем самым Брусиловым»? Нет, нет и еще раз нет. И умные люди, даже те, кто на дух не переносил большевизм и все с ним связанное, для кого синонимом «красноармеец» было слово «враг», это понимали. Неумные... они такими и остались. Не в них суть.

Обратите внимание, уважаемый читатель, на примечания в данном издании, в которых кратко описывается судьба генералов, служивших в царской армии накануне и во время Первой мировой войны. У четверти, а может быть, и трети из них значится — «вступил в РККА» или «служил в Красной армии». Можно, конечно, на всех без разбора повесить ярлык «предателя». Но неужели сотни генералов и тысячи офицеров, служивших и воевавших за Отечество, заслужили этого?..

«Позднее я говорил всем, — пояснял свою точку зрения Брусилов, — что считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило... Ведь такую великую и тяжелую революцию, какую